

образование (метаобразование): если роман говорит о жизни, судьбе человека, то цикл – о жизни, судьбе человека, народа и Отечества, о их единстве и о их до конца не разгаданной тайне.

Литература

1. Лебедев Ю.В. У истоков эпоса: Очерковые циклы в русской литературе 1840–60-х годов. Ярославль: ЯГПИ, 1975. 162 с.

1. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 279 с.

2. Недзвецкий В.А. В мире человечества и природы // Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю. И.С.Тургенев. М., 2000. С. 5–7.

3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 3. Записки охотника, 1847–1874. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Наука, 1979. 530 с.

Д.В. Дорошенко
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Е.Н. Сергеева

СМЕРТЬ И ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ В СТИХОТВОРЕНИИ БОРИСА РЫЖЕГО «МЩЕНИЕ АХИЛЛА»

Аннотация. В данной статье исследуются особенности поэтики стихотворения Б. Рыжего «Мщение Ахилла», связанной с темой смерти. Статья основана на детальном анализе стихотворения и его связи с античностью. Основным фокусом рассмотрения в статье является анализ смерти в контексте мести и отношений между героями и автором. Обращается внимание на связь мотива мести и мотива смерти, исследуются моральные аспекты данной темы. В конце статьи делается вывод о том, что смерть и ее образ в поэтическом мире Бориса Рыжего, а в частности, в «Мщении Ахилла», имеют сложную структуру, проявляющуюся в различном к ним отношении Ахилла, лирического героя и автора.

Ключевые слова: Борис Рыжий, поэтика лирического текста, смерть, античные образы, месть, вечность.

Стихотворение Б. Рыжего «Мщение Ахилла» (1996) [4, с. 58] представляет собой обращенный к Ахиллу монолог лирического героя, в котором исследуется напряженность противоречия между жизнью и смертью, героизмом и человечностью.

Композиционно произведение делится на 3 пронумерованные пятистишия, написанные анапестом, рифмический рисунок которых определяется как

аВаВа (маленькими буквами здесь обозначены мужские, большими – женские рифмы). Заканчивая каждое пятистишие сильной мужской рифмой, Борис Рыжий выделяет наиболее значимые в смысловом отношении части, резко обрывая рассуждение лирического героя: *«Пусть тебя не простят, но и ты не простил»* [4, с. 58]. В этом отношении работает также само наличие в каждой строфе пятой строки, которая оказывается неожиданностью для читателя, привыкшего к классическим формам (условно говоря, четверостишиям).

Тонкой является грань между поэтом и его лирическим героем в «Мщении Ахилла». М. Бахтин утверждал: «В лирике автор наиболее формалистичен, т.е. творчески растворяется во внешней звучащей и внутренней живописно-скульптурной и ритмической форме, отсюда кажется, что его нет, что он сливается с героем, или наоборот, нет героя, а только автор. На самом же деле здесь герой и автор противостоят друг другу, и в каждом слове звучит реакция на реакцию» [1, с. 50–51]. Лирический герой «Мщения...», хоть во многом и отражает мироощущение Бориса Рыжего, тем не менее не тождественен ему; эстетическое отношение автора формирует переживания героя, отливая их в образ и ритм, как будто сливаясь с ним в одно «ценностно переживающее лицо» [1, с. 53]. Показывая «реакцию на реакцию», поэт создает пафос бесконечной, но бессильной ярости, граничащей с отчаянием. Борис Рыжий воспеваает гнев своего лирического героя, по силе подобный гневу самого Ахилла.

Двойственная природа Ахилла Бориса Рыжего определяет его место в мире: полубог и получеловек, обреченный на существование между двумя крайностями; оказываясь лицом к лицу с ними, герой выбирает отрицание. В мире людей он проявляет божественное, в мире богов – отдает предпочтение человеческому началу:

*Ты герой, ты не крови боишься из ран –
чужды слезы героям, и слез ты боишься,
хоть и плакал не раз, обращаясь к богам.*

Закономерно, что сын Пелея и Фетиды находит свое предназначение в героизме, позволяющем ему свести грани своего естества в наиболее гармоничном состоянии.

Трагическая раздвоенность, традиционно присущая Ахиллу в различных интерпретациях «Илиады», в стихотворении Рыжего трансформируется в преобладание стремления героя к эфемерной славе и запечатлению собственной боевой доблести. Ахилл знает о близости своей кончины, и подобное

стремление дает ему надежду на вечную жизнь в сознании людей. Но, направленные не обретение жизни, его действия парадоксальным образом оказываются разрушительными для окружающих, за что и осуждаются лирическим героем:

*Прав ли, нет ли, безумец, но ты победил –
это первое, а правота – лишь второе.*

Победа и правота в художественном мире стихотворения разводятся. Автор рассматривает ярость Ахилла как безрассудное надругательство над гуманистическим принципом безусловной ценности жизни в стремлении отомстить обидчику согласно принципу «око за око».

Как Гомер воспеваает не Ахилла, а его гнев, так и Рыжий смещает акцент с личности самого героя на его «мщение». Показательным является преобладание в стихотворении личного местоимения «ты». Ахилл лишается права голоса, будучи осуждаемым лирическим героем с другого края пропасти, разделяющей античность и современную автору действительность.

Наиболее полно отношение героя к жизни и смерти раскрывается в следующих строках:

*Не за то ли ты с жизнью-уродкой «на ты»,
что однажды «на ты» был со смертью-красоткой?*

Ценностные представления Ахилла о мире перевернуты: жизнь предстает «уродкой», недостойной уважения, в то время как смерть, а в частности, причинение смерти, оказывается привлекательной для героя. Борис Рыжий проводит причинно-следственную связь между гнетущим осознанием Ахиллом близости конца собственной жизни и пренебрежением к жизни в целом, тем не менее, без всякого сочувствия к нему. Так, через слова лирического героя позиция автора становится однозначной: человек, чье несчастье служит для него разрешением делать несчастными других, не заслуживает ни жалости, ни прощения.

Показательно наличие в творческом наследии Бориса Рыжего стихотворений, запечатлевающих «остановившиеся» мгновения, которые представляются под особым, «внебытовым» углом зрения. Характерно, что в подобных стихотворениях «изображаемое видится лирическим героем в системе координат не только земного существования, но и вечности» [5]. Так, в трех последних строках «Мщения Ахилла» читатель погружается в пространство, где времени словно не существует и где помещается вся история человечества, находя единство в рассуждении о вечном – в данном случае, о смерти и разрушении:

*...Ночь целует убитых в открытые рты,
голубые, пропахшие греческой водкой,
и созвездья у них в головах – как цветы...*

Эти строки не случайно предваряются отточием – они как будто доносятся из ниоткуда, или же из этой самой вечности, не являясь ни словами лирического героя, ни однозначно словами автора.

Многие пишущие о «последнем советском поэте» акцентируют внимание на его ощущении своей эпохи как «эпохи безвременья». Так, К.А. Жулькова пишет: «В поэтическом мире Бориса Рыжего мифологизируется прошлое, время прошедшего детства и пространство бывшего Свердловска, а настоящее представляется с помощью традиционной смертной атрибутики руин, запустения, страшного и уродливого города-кладбища» [2, с. 168].

Подобное происходит и во «Мщении Ахилла»: монолог лирического героя Бориса Рыжего, направленный из настоящего в прошедшее, завершается резким переходом к «безвременью». Ярость переходит в отчаяние, отчасти напоминающее смирение – характерные для автора вполне натуралистичные в своей отвратительности детали («открытые рты», «пропахшие греческой водкой») не скрадывают общей красоты, предстающей в образе возлюбленной вечности и романтизированного представления смерти: «*Ночь целует*», «*и созвездья у них в головах – как цветы*». Н.А. Непомнящих подчеркивает, что мысли о смерти в поэзии Рыжего – «это не минутное впечатление, налетевшее из ниоткуда и потом развеянное иными событиями», а «постоянное сопровождающее лирического субъекта переживание, сопутствующее любому действию» [3, с. 115].

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что картина, нарисованная Борисом Рыжим в «Мщении Ахилла», притягивает и отталкивает одновременно. Смерть ужасает лирического героя, но именно смерть насильственная, причинение смерти; сама же она завораживает автора. Ее прекрасная сторона – единство человека с вечностью, с космосом, и Рыжий эту сторону видит.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.1: Философская эстетика 1920-х годов// М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. 957 с.
2. Жулькова К.А. О лирике Бориса Рыжего: мотивы смерти [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7,

Литературоведение: Реферативный журнал. 2020. №2. С.168-169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-lirike-borisa-ryzhego-motivyu-smerti> (дата обращения: 20.05.2023).

3. Непомнящих Н.А. Мотив воли к смерти в творчестве Бориса Рыжего // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 110–122.

4. Рыжий. Б.Б. Мщение Ахилла // Рыжий. Б.Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У- Фактория, 2004. С. 58.

5. Семина А.А. Поэтика застывшего мгновения в стихотворениях Георгия Иванова и Бориса Рыжего [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2016. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-zastyvshego-mgnoveniya-v-stihotvoreniyah-georgiya-ivanova-i-borisa-ryzhego> (дата обращения: 20.05.2023).

Д.Д. Писарева
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель А.А. Косицин

ТВОРЧЕСТВО МО ЯНЯ

Аннотация. В статье рассматривается творчество китайского писателя Мо Яня, выделяются основные особенности его творчества, описывается критика его литературных произведений, а также фильма, снятого по роману «Красный Гаолян». Выясняется, что произведениям Мо Яня присуща реалистичность описания.

Ключевые слова. Мо Янь, китайская литература, «Красный Гаолян».

Цель работы – рассмотреть творчество китайского прозаика Мо Яня в контексте китайской прозы.

Вопреки тому, что Мо Янь – лауреат Нобелевской премии по литературе (за «галлюциногенный реализм, сочетающийся с народными сказками, историей и современностью») («who with hallucinatory realism merges folk tales, history and the contemporary» [1]), в России о его творчестве, как и о творчестве китайских литераторов в целом, известно пока мало.

Настоящее имя писателя – Гуань Мое (на китайском языке 莫言), а его творческий псевдоним, избранный им (Мо Янь), можно перевести на русский язык как глагол «молчи». В своих произведениях автор знакомит нас с культурой Китая, ее менталитетом, и заставляет глубоко прочувствовать его мысль.

В произведениях Мо Янь исследует жизнь народа, высмеивает не только недостатки общества, но и свои собственные (человеческую жестокость, эгоизм, равнодушие). Произведение «Устал рождаться и умирать»